

Опубликовано в журнале:

[«Вопросы литературы» 2011, №6](#)

Над строками одного произведения

А. ЖОЛКОВСКИЙ

Зеркало или трельяж?

Александр Константинович Жолковский (род. 1937) - российский и американский лингвист, литературовед, писатель.

<http://www-bcf.usc.edu/~alikh/alikh.htm>

Размещено в "[Открытом собрании Иннокентия Анненского](#)" с разрешения автора, спасибо.

Стихотворение Владислава Ходасевича «Перед зеркалом» (*далее ПЗ*) – один из тех поэтических шедевров, загадки которых занимают тебя постоянно, а планомерному решению поддаются плохо. Разгадка иногда приходит внезапно, при встрече с посторонним, на первый взгляд, материалом.

Перед зеркалом

Nel mezzo del cammin di nostra vita

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот -- это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах,-
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть, --
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем -- так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины -- к причине,
А глядишь -- заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, --
Только есть одиночество -- в раме
Говорящего правду стекла.

18-23 июля 1924, Париж
(опубл. 1925)

Букет запоминающихся раз и навсегда эффектов ПЗ известен. Это: экзистенциальный кризис среднего возраста и расщепления личности, его литературные проекции и подчеркнута

бытовое словесное оформление (*неужели вон тот...? разве...? разве...?*), метаязыковая проблематизация слова *я* и остраненное описание себя как *желто-серого*. За целостный анализ стихотворения я здесь не возьмусь, а сосредоточусь на осмыслении одного неожиданного претекста. В интересах объективности (и занимательности) изложения называть его я пока не буду, условно обозначив как ПТ. Текст это более длинный, чем ПЗ, прозаический, принадлежащий автору для Ходасевича авторитетному, и посвященный если не той же самой теме, то достаточно близкой: речь в нем тоже идет об экзистенциальном кризисе, о проблематизации слова и собственной идентичности, о возрастных переменах и о поиске истины, но все это подано в более радикальном – летальном – ракурсе, тогда как в ПЗ до физической смерти дело не доходит.

Сличение двух текстов обнаруживает поразительные сходства, продемонстрировать которые мне представляется разумным в три раунда: начать с множества самых общих совпадений, не обязательно свидетельствующих о существенной межтекстовой связи, перейти затем к более закономерным и непосредственным соответствиям, чтобы закончить практически бесспорными заимствованиями.

1.

Первый круг переключек составят довольно точные лексико-семантические сходства, доля которых в стихотворении так велика, как если бы Ходасевич почерпнул чуть ли не весь его словарь из ПТ[1] (если не считать группы лексем, отчетливо восходящих к иным литературным и житейским текстам: *пустыня, пантера, Вергилий, Останкино, дачный, парижский, чердак...*[2]).

Таковы, например, в порядке появления в ПЗ, слова:

ДИКИЙ: чувствует <...> этот вкус во рту, и ему что-то **дикое** представляется в том, что он при этом может радоваться.

МАМА: мы разорвали портфель у отца и нас наказали, а **мама** принесла пирожки. И опять останавливалось на детстве, и <...> было больно, и он старался отогнать и думать о другом [3]

ЛЮБИТЬ: [Он]был сотоварищ собравшихся господ, и все **любили** его.

ТАНЦЕВАТЬ: [Он] вообще **танцевал** <...> [позднее] он уже **танцевал** как исключение. Он **танцевал** уже в том смысле, что <...> если дело коснется **танцев**, то могу доказать, что в этом роде я могу лучше других. Так, он изредка в конце вечера **танцевал** с <...> и преимущественно во время этих **танцев** и победил [ее] <...> Один раз у них был даже вечер, **танцевали** <...> Было лучшее общество, и [он] **танцевал** с...[4]

ОТВЕТ (РАЗГОВОР, ВНУШАТЬ): вопросы, требующие определенные вперед и, очевидно, ненужные **ответы** <...> Опять пошли <...> **разговоры** <...> и **ответы** с таким значительным видом <...> который **внушал**, что вы, мол...

ВНУШАТЬ, ОТВРАЩЕНИЕ: поступки, которые прежде представлялись ему большими гадостями и **внушали** ему **отвращение**; был таким же <...> приличным <...> и **внушающим** общее уважение.

ЖЕЛТЫЙ, СЕДОЙ, ПОЛУ-, ВСЕГДА: Мертвец лежал <...>, как **всегда** лежат мертвецы <...> **навсегда** согнувшейся головой на подушке, и выставлял, как **всегда** выставляют мертвецы, свой **желтый** восковой лоб; Ему хотелось, чтоб его приласкали <...> как ласкают и утешают **детей**. Он знал, что <...> у него **седеющая** борода и что потому это невозможно; но ему все-таки хотелось этого; Тулая тоска, которую он испытывал в **полуусыпленном** состоянии...

МАЛЬЧИК: Он не был заискивающим ни **мальчиком**, ни потом взрослым человеком; ...которого он знал так близко, сначала веселым **мальчиком**, школьником, потом взрослым партнером; Глаза у него были и заплаканные и такие, какие бывают у нечистых **мальчиков** в тринадцать -- четырнадцать лет. **Мальчик** <...> стал сурово и стыдливо морщиться...; ...оставался **мальчик-гимназист**, предмет раздора <...> **мальчик** <...> учился недурно.

ЗЛОБА, СТРАХ, ВСЕГДА: ...болезненно поразило [его], вызвав в нем чувство <...> **злости** на этого равнодушного <...> доктора; И он **злился** <...> на людей, делавших ему неприятности и убивающих его, и чувствовал, как эта **злоба** убивает его; И совет <...> только усугубил сомнение и **страх** <...> Не может же быть, чтоб все **всегда** были обречены на этот ужасный **страх**; Все та же боль, все тот же **страх**; Он искал своего прежнего привычного **страха** смерти и не находил его.

СПОР: не вступив сначала в **спор**, не принимал в нем участия; Не было вопроса о жизни [его], а был **спор** между <...> И **спор** этот <...> доктор блестящим образом разрешил в пользу...; ...они не соглашались, противоречили, он **спорил**, сердился...

РАЗГОВОР, ОТМАЛЧИВАТЬСЯ: ...и зашел **разговор** о знаменитом красовском деле; После разных **разговоров** о подробностях действительно ужасных физических страданий; Большинство предметов **разговора** между мужем и женой <...> И сколько [он] ни наводил после [его] на **разговор** о его внешнем виде [тот] **отмалчивался**; И он шел в <...>, отгоняя от себя всякие сомнения; вступал в **разговоры** с товарищами <...> произносил известные **слова** и начинал дело; Опять пошли <...> значительные **разговоры** <...> Начался **разговор** об изяществе и реальности ее игры, -- тот самый **разговор**, который **всегда** бывает один и тот же <...> В середине **разговора** [тот] взглянул на [него] и **замолк**. Другие взглянули и **замолкли** <...> Надо было как-нибудь прервать это **молчание**. Никто не решался, и всем становилось **страшно**, что вдруг нарушится как-нибудь приличная ложь, и ясно будет всем то, что есть. Лиза первая решилась. Она прервала **молчанье**.

ШУТИТЬ: ...иногда позволял себе, как бы **шутя**, смешивать человеческое и служебное отношения; приятели начинали дружески **подшучивать** над его мнительностью, как будто то <...> **страшное** <...> > есть самый приятный предмет для **шутки**.

ВСЕГДА: самый факт смерти близкого знакомого вызвал <...> **как всегда**, чувство радости о том, что умер он, а не я; Лицо <...> и вся худая фигура во фраке имела, **как всегда**, изящную торжественность, и эта торжественность, **всегда** противоречащая характеру игривости <...> здесь имела особенную соль; вошел, **как всегда** это бывает, с недоумением о том, что ему там надо будет делать; но в общественных он был <...> **всегда** добродушен, приличен; так что в общем он **всегда** был в выигрыше.

С(Е)РЕДИНА: Он был не такой холодный и аккуратный, как старший, и не такой отчаянный, как меньшей. Он был **середина** между ними -- умный, живой, приятный и приличный человек; Но вдруг в **середине** боль в боку <...> начинала свое сосущее дело.

СЗЕМНОЙ/ЗЕМЛЯ: **одиначества**, полнее которого не могло быть нигде: ни на дне моря, ни в **земле**.

НИЧТОЖНЫЙ: -- Что, у него было состояние? -- Кажется, что-то очень небольшое у жены. Но что-то **ничтожное**.

ПРИЧИНА: Жена **без всяких поводов** <...> начала нарушать приятность и приличие жизни: она **без всякой причины** ревновала его <...> и делала ему неприятные и грубые сцены; Он искал **причину**: и находил ее в бронзовом украшении альбома, отогнутом на краю.

ЗАПЛУТАТЬСЯ/ ПУТАТЬСЯ: не переставая перебирал все <...> стараясь все эти **запутанные**, неясные научные слова перевести на простой язык; Но тут как раз так случилось, что <...> вышла какая-то **пуганица**; Приятель <...> еще больше **спутал** [его] и усилил его сомнение; И товарищи и подчиненные с удивлением <...> видели, что он <...> **путался**, делал ошибки; ложь эта, окружающая его, так **пугалась**, что уж трудно было разобрать что-нибудь.

СЛЕДЫ: Все увлечения детства и молодости прошли для него, не оставив больших **следов**.

НАЙТИ/ИСКАТЬ: И он призывал <...> на место этой мысли другие мысли, в надежде **найти** в них опору; ...стал исполнять предписания и в исполнении этом **нашел** утешение на первое время; И, спасаясь от этого состояния, [он] **искал** утешения, других ширм, и другие ширмы являлись и на короткое время как будто спасали его; Он **искал причину**: и **находил** ее в бронзовом украшении альбома, отогнутом на краю...; Он **искал** своего прежнего привычного **страха** смерти и **не находил** его.

ПЛЕЧИ: С тех пор [он] стал иногда звать [его] и заставлял его держать себе на **плечах** ноги и любил говорить с ним.

ОДИНОЧЕСТВО: И, лежа почти все время лицом к стене, он **одинок** страдал все те же неразрешающиеся страдания и **одинок** думал все ту же неразрешающуюся думу; В последнее время того **одиначества**, в котором он находился, лежа лицом к спинке дивана, того **одиначества** среди многолюдного города и своих многочисленных знакомых и семьи, -- **одиначества**, полнее которого не могло быть нигде: ни на дне моря, ни в **земле**, -- последнее время этого **страшного**

одиночества [он] жил **только** воображением в прошедшем.

РАМА: оступился и упал, но <...> удержался, только боком стукнулся об ручку **рамы**.

ГОВОРИТЬ: Он болел уже несколько недель; **говорили**, что болезнь его неизлечима.

Некоторые из запротоколированных соответствий не особенно красноречивы, -- те же слова могут встретиться в любом тексте, да и в ПТ употреблены в контекстах и конструкциях, не особенно релевантных для ПЗ. Но многие переключки с ПЗ вполне осмысленны, особенно когда на коротком отрезке текста ПТ их, как это часто бывает, оказывается сразу несколько.

2.

Несмотря на старательные купюры в цитатах, большинство читателей, конечно, давно поняли, что ПТ – это «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого (1886; *далее* СИИ). В этом свете даже самые, казалось бы, случайные словесные параллели обретают релевантность. Так, *рама* в одном из последних примеров из СИИ – рама гардины, а не зеркала, но в каком-то смысле она действительно обрамляет жизнь/личность героя, поскольку именно она становится первым толчком к его болезни, смерти и духовному перерождению. Аналогичным образом *плечи* в СИИ принадлежат Герасиму, а не герою, и фигура Вергилия за ними вроде бы не просматривается, но, с другой стороны, именно Герасим играет в СИИ роль единственного настоящего помощника героя и, если угодно, его проводника в иной мир, ценного именно исправным подставлением своих плеч. Тем более осмысленными на таком фоне оказываются остальные переключки, в чем легко убедиться, заново пробежав их глазами.

Дело, конечно, в том, что тематически тексты во многом сходны. Хотя в СИИ, в отличие от ПЗ, речь идет о реальной смерти, но ситуация морального тупика и поисков новой истины о себе налицо в обоих. Общий тематический комплекс естественно проявляется и в достаточно наглядных словесных и мотивных параллелях. Продолжим наш список.

ЗЕРКАЛО/СТЕКЛО[5]: - Что, переменялся? -- Да... есть перемена. -- И сколько Иван Ильич ни наводил после шурина на **разговор** о его внешнем виде, шурин **отмалчивался** <...> Иван Ильич <...> стал смотреться в **зеркало** -- прямо, потом сбоку. Взял свой портрет <...> сличил <...> с тем, что он видел в **зеркале**. Перемена была огромная; Он с отдыхом умыл руки, лицо <...> и посмотрел в **зеркало**. Ему **страшно** стало.

ПРАВДА (ИСТИНА), НЕУЖЕЛИ: **Правда** было то, что ссоры теперь начинались от него; ...и он столбенел, огонь тух в глазах и он начинал опять спрашивать себя: "**Неужели** только она **правда**?" <...> "**И правда**, что здесь, на этой гардине, я, как на штурме, потерял жизнь. **Неужели**?..."; Что это? **Неужели правда**, что смерть? И внутренний голос **отвечал: да, правда**. Иван Ильич смотрит на доктора с выражением вопроса: "**Неужели** никогда не станешь тебе стыдно врать?"; ...каждое их **слово** подбуждало для него ужасную **истину**, открывшуюся ему ночью...; Доктор **оговорил**, что страдания его физические ужасны, и это была **правда**; Ему пришло в голову, что то, что ему представлялось прежде совершенной невозможностью, то, что он прожил свою жизнь не так, как должно было, что это могло быть **правда**.

Семантическая связь слов *правда* и *неужели* очевидна, но, как *правда* появляется в СИИ иногда без *неужели*, так и *неужели* встречается отдельно от *правды*:

НЕУЖЕЛИ: -- Господа! <...> Иван Ильич-то умер. -- **Неужели**?; Этот случай испугал его. "**Неужели** я так умственно ослабел? -- сказал он себе; Так где же я буду, когда меня не будет? **Неужели** смерть?; **Неужели** смерть?" Опять на него нашел ужас.

Идея «последней правды», завершающая ПЗ, подспудно проходит через все стихотворение, открывающееся проблематизацией «дикого слова я» и настойчиво разрабатывающее метаязыковую тематику, ср. слова: *ответом, поэтам, споры, разговоры, молчать, шутить, говорящего*. [6] Некоторые соответствующие параллели из СИИ приведены выше, теперь

стоит сказать, что слово *слово* встречается там более десятка раз, причем систематически в инвариантном толстовском повороте «лживости слов», сквозь которые лишь с приближением неизбежной смерти проглядывает правда.

СЛОВО: Все происходило с чистыми руками, в чистых рубашках, с французскими **словами** и <...> с одобрением высоко стоящих людей; Иван Ильич чувствовал, что <...> ему стоит только написать известные **слова** на бумаге с заголовком, и этого <...> самодовольного человека приведут к нему в качестве обвиняемого...; ...он <...> перебирал все, что **говорил** доктор, стараясь все эти **запутанные**, неясные научные **слова** перевести на простой язык и прочесть в них **ответ** <...> очень ли плохо мне, или еще ничего?; И он <...> вступал в **разговоры** с товарищами <...> произносил известные **слова** и начинал дело. Но <...> боль в боку, не обращая никакого внимания на период развития дела, начинала свое сосущее дело; Когда он увидел утром лакея, потом жену, потом дочь, потом доктора, -- каждое их движение, каждое их **слово** подтверждало для него ужасную **истину**, открывшуюся ему ночью <...> ужасный огромный **обман**, закрывающий и жизнь и смерть; Кончено! -- сказал кто-то над ним. Он услышал эти **слова** и повторил их в своей душе. "Кончена смерть, -- сказал он себе".

3.

Мотивный кластер «слово/зеркало/неужели/правда» явно связывает два текста, но в принципе связь эта может объясняться типологически -- как закономерное структурное сходство, определяющееся общностью экзистенциальной темы, а не генетически -- прямым текстуальным родством. В пользу последнего говорят, однако, совершенно уже детальные поверхностные переключки, к которым мы и перейдем.

РАЗВЕ МАМА...:В глубине души Иван Ильич знал, что он умирает, но <...> никак не мог понять этого. **Тот** пример силлогизма, которому он учился в логике Кизиветера: Кай -- человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но **он был не** Кай и не вообще человек, а **он всегда был** совсем, совсем особенное от всех других существо; **он был Ваня с мамой**, с папой, с Митей и Володей, с игрушками, кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами **детства, юности, молодости**. **Разве** для Каи **был тот** запах кожаного с полосками мячика, который **так любил** Ваня! **Разве** Кай целовал **так** руку **матери** и **разве** для Каи **так** шуршал шелк складок платья **матери**? **Разве** он бунтовал за пирожки в Правоведении? **Разве** Кай **так был** влюблен? **Разве** Кай **так** мог вести заседание? И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но **мне, Ване, Ивану Ильичу**, со всеми моими чувствами, мыслями, -- мне это другое дело <...> Это было бы слишком ужасно...

Многослойное смысловое и словесное родство этого знаменитого пассажа с ПЗ очевидно: тут и упорный отказ от осознания своего реального состояния, и настойчивое *разве*,^[7] и дважды упомянутая мать, и мотивы беззаботного детства и юности, и ряд других (выделенных мной) слов, включая служебные, но очень характерные повторяющиеся по несколько раз *так* (ср. в ПЗ *такой*) и *тот*. Анафорическое *разве* (проходящее в ПЗ трижды, а в СИИ шесть раз) образует, вместе с близким ему по смыслу и речевой роли *неужели* (примеры см. выше), основу риторико-мелодической композиции ПЗ, включающей еще несколько подобных слов, которые придают тексту характер возбужденного диалога с воображаемым собеседником, каковым по сути является второе, отвергаемое, «я» говорящего: *Что за -- Неужели -- Разве -- Разве -- Разве -- Впрочем -- А глядишь --- Да...* В сочетании с прочими мотивными и словесными переключками этот кластер представляется окончательным доказательством непосредственной опоры Ходасевича на толстовский текст.

Разумеется, СИИ не может претендовать на роль единственного источника ПЗ. Примечательна, в частности, переключка ПЗ с «Унижением» Блока (1911/1913),^[8] которое написано тем же размером (АнЗжм), и тоже разворачивает серию *разве*:

Разве дом этот -- дом в самом деле? Разве так суждено меж людьми? Разве рад я сегодняшней встрече? <...> (Разве это мы звали любовью?),

которая тоже восходит к прозаическому претексту:

«Ср. в “Записках из подполья” Ф.М. Достоевского: “Разве эдак любят?”, “Разве эдак человек с человеком сходиться должны?”».[9]

В пользу релевантности блоковского стихотворения для ПЗ говорят также: сочетание *разве* с разговором о любви (ср. *Разве мама любила такого..?*), общий цветовой мотив (*Желтый зимний закат за окном*) и эмфатическое выделение местоименных слов *это* и *так*.[10] Однако модус проблематизации привычных категорий там все-таки иной: у Блока (и Достоевского) под вопрос ставятся отношения между героями, но не сама их идентичность.

Более сходен с ПЗ в этом отношении другой хрестоматийный прозаический пассаж -- рассуждение гончаровского Обломова о его принципиальном отличии от *другого*. Прочитую лишь фрагмент с пятью *разве*:

-- Я «другой»! Да **разве** я мечтаю, **разве** работаю? Мало ем, что ли? Худошав или жалок на вид? **Разве** недостает мне чего-нибудь? Кажется, подать, сделать -- есть кому! Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава богу! Стану ли я беспокоиться? Из чего мне? И кому я это говорю? Не ты ли с детства ходил за мной? Ты все это знаешь, видел, что я воспитан нежно <...> Так как же это у тебя достало духу равнять меня с другими? **Разве** у меня такое здоровье, как у этих «других»? **Разве** я могу все это делать и перенести?.. (ч. 1, гл. VIII).

Эмфатическое *разве*, во всех трех текстах (ПЗ, СИИ, «Обломове») неотлучно сопутствующее уязвленному отстаиванию собственной уникальности, по-видимому, глубинным образом присуще такой психологической ситуации. Что же касается того, что Обломов разговаривает не сам с собой, а с Захаром, то ведь эта пара образует своего рода симбиотическое единство, проявляющееся, в частности в раннем проведении мотива «другой» -- предвестии рассмотренной выше сцены.

Чем же я виноват, что клопы на свете есть? -- сказал [Захар] с наивным удивлением <...> -- **Разве** я их выдумал? <...> Этой твари, что мышей, что кошек, что клопов, везде много.-- Как же у **других** не бывает ни моли, ни клопов? <...> -- Как это? Всякий день перебирай все углы? <...> Да **что ж это за жизнь?** <...> -- Отчего ж у **других** чисто?<...> -- А где немцы сору возьмут <...> У них и корка зря не валяется: наделают сухариков, да с пивом и выпьют!.. (ч. 1, гл. I).

Опять-таки отметим употребление по соседству с *другим* оборотов с *разве...?* и *что за...?*[11]

4.

Естественно задаться вопросом о знакомстве Ходасевича с толстовской повестью (кстати, опубликованной в год его рождения) и степени интереса к ней. Его общая начитанность не вызывает сомнений, но в 1920 г. он обратил на Толстого особое внимание:

«В конце 1920 года, в Петербурге, перечитывал я Толстого. Я начал с "Анны Карениной", перешел к "Крейцеровой сонате", потом к "**Смерти Ивана Ильича**", "Холстомеру", "Хозяину и работнику"».[12]

Одним из побочных результатов этого стала статья «Об Анненском» (1921, 1922, 1935),[13] с первым вариантом которой[14] Ходасевич выступил в Петербургском Доме Искусств на вечере, посвященном памяти И. Ф. Анненского, 14 декабря 1921 г., то есть всего год спустя после перечитывания Толстого.[15] Вся статья построена на систематическом сопоставлении Анненского с заглавным героем СИИ, -- сопоставлении, настолько кощунственным (тем более, что кончается оно нелестно для поэта), что при ее публикации[16] составительница сборника и бывшая жена автора, Н. Н. Берберова, сочла необходимым сделать как бы извиняющее примечание:

«Ходасевич неслучайно любил сопоставлять противоположности, и “сравнивал” Анненского с

Иваном Ильичом, он делал то, что часто делал и в своих писаниях, и в жизни: Державин и Чехов – один из примеров...» (с. 341).

Сравнивает он их по линии отношения к смерти, и в конце концов отдает предпочтение Ивану Ильичу, потому что он в момент смерти он сумел чудесно преодолеть ее верой. Толстовская повесть, -- и на самом видном месте весь пассаж о Кае-человеке^[17] -- цитируется и обсуждается очень детально. Таким образом, всего за несколько лет до создания ПЗ, Ходасевич пристально обдумывал СИИ, причем именно в плане соотношения с опытом поэта, а завершается статья двумя абзацами, более или менее впрямую предвещающими ПЗ:

«Но вот -- жизнь вдруг озаряется, понятая по-новому; старое “я” распадается, вместе с ним распадается и смерть <...> Поэтому и смерть становится чиста тоже. Это и есть очищение, катарсис, то, что внутренне завершает и преобразует **трагедию**, давая ей смысл религиозного действия <...> Оно наступает иногда очень поздно, но никогда не “слишком поздно”. Так было с Иваном Ильичом.

Драма есть тот же ужас человеческой жизни, только не получающий своего очищающего разрешения <...> занавес падает раньше, чем герои успели предстать зрителю преображенными. Драма ужаснее **трагедии**, потому что застывает в ужасе, потому что она *безысходна* <...> [Д]рама, развернутая в его поэзии, останавливается на ужасе -- **перед** бессмысленным кривлянием жизни и бессмысленным смрадом смерти. Это -- ужас двух **зеркал**, отражающих пустоту друг друга».^[18]

К Анненскому Ходасевич относился критически с самого начала, еще двадцатилетним юношей написав о только что вышедшей книге его статей:

«"Книга отражений" [1906] -- ряд разрозненных, ничем между собою не связанных статей, дающих некоторое представление о том, что может сказать г. Анненский о Гоголе, Достоевском, Л. Толстом, Чехове, но совершенно не объединённых между собою общей мыслью, словно тетрадь ученических сочинений. Быть может, статьи г. Анненского и были бы интересны лет 10-15 тому назад, а теперь они кажутся слишком запоздалыми».^[19]

Полтора, а затем три десятка лет спустя, в двух вариантах юбилейной оценки Анненского общий тон уважительнее, но критическая установка налицо. В ПЗ, однако, ситуация радикально иная. В сущности, там от первого лица воспроизведена не получающая разрешения драма, ранее рассматривавшаяся в третьем – на примере Анненского. Хорошо известен резкий перелом в сторону мрачной безысходности, наступивший после эмиграции из СССР и отразившийся в «Европейской ночи» (1927), куда вошло и ПЗ.^[20] Но нас здесь будет интересовать не он, а тот претекст к ПЗ, каковым оказываются -- в свете статьи «Об Анненском» -- стихи этого поэта.

5.

Ведь главное отличие Анненского от Ивана Ильича – это то, что он рефлектирующий поэт, способный осознать и сознательно воплощать различие между двумя «я» человека.

«[Иван Ильич] прав, Каю действительно “правильно умирать”, потому что он -- абстракция, фикция, **ничто** и **никто**. Ивана же Ильича отличают от Кая его “чувства и мысли”, то есть его личность <...> единственное не общее, не абстрактное, что есть у Ивана Ильича. И эта личность не может, не должна умереть: она -- единственная реальность в пустыне абстракций <...> единственная зацепка за бессмертие.

Чего не додумал Иван Ильич, то знал Анненский. Знал, что никаким директорством, никаким бытом и даже никакой филологией от смерти по-настоящему не загородиться <...> Только над **истинным его “я”**, над тем, что отображается в “чувствах и мыслях”, над личностью -- у нее как будто нет власти. И он находил реальное, осязаемое **отражение** и утверждение личности -- в поэзии. Тот, **чье лицо он видел**, подходя к **зеркалу**, был директор гимназии, смертный **никто**. Тот, **чье лицо отражалось в поэзии**, был бессмертный **некто**. Ник. Т-о -- *никто* -- есть безличный действительный

статский советник, которым, как видимой оболочкой, прикрыт невидимый **некто**. Этот свой псевдоним, под которым он печатал стихи, Анненский рассматривал как перевод <...> того самого псевдонима, под которым Одиссей скрыл от циклопа Полифема свое **истинное** имя, свою **подлинную** личность, своего **некто**. Поэзия была для него закланием страшного Полифема -- смерти».[21]

В своей статье Ходасевич рассматривает ряд стихотворений Анненского, свидетельствующих об общей безысходности его взгляда на мир. Мы пойдем дальше и бегло наметим круг текстов, родственных ключевым мотивам ПЗ и, возможно, послуживших их прототипами, если не прямыми источниками. Приводимые ниже фрагменты часто совмещают сразу несколько характерных параллелей к ПЗ; для удобства сопоставлений соответствующие слова выделяются жирным шрифтом; стихи цитируются курсивом в строчку, курсивные же выделения оригинала даются, напротив прямым шрифтом.

Прежде всего, это стихи, разрабатывающие тему «я/не-я, двойничество». Ср.:

*Откинув докучную маску, Не чувствуя уз бытия, В какую волшебную сказку Вольется свободноея! <...> О царь Недоступного Света, Отец моего бытия, **Открой же хоть сердцу поэта, Которое создал ты я** («Который?»);*

*Я полюбил безумный твой порыв, Но **быть тобой и мной нельзя же сразу** <...> Пусть только бы в кружении бытия Не вышло так, что этот дух влюбленный, **Мой брат и маг не оказался я В ничтожестве слегка лишь подновленный**(«Другому»);*

*И грани ль ширишь бытия Иль **формы вымыслом ты множишь**, Но в самом **Я от глаз Не Я Ты** **никуда уйти не можешь** («Поэту»).*

Список примеров из поэзии Анненского, посвященных проблематизации идентичности лирического субъекта, разумеется, легко продолжить.[22]

И, конечно, Анненский был пионером «металингвистического внимания к мельчайшим единицам речи, к их странной семантике и фонетике». Ср. хрестоматийные в этом отношении стихи:

*Я завожусь на тридцать лет, Чтоб жить, мучительно **дробя** Лучи от призрачных планет **На "да" и "нет", на "ах!" и "бя"** <...> **И был бы, верно, я поэт, Когда бы выдумал себя** <...> **Когда бне пиль да не тубо, Да не тю-тю после бо-бо!..** («Человек. Сонет»);*

*Есть слова -- их дыханье, что цвет, Так же нежно и **бело-тревожно**, Но меж них ни печальнее нет, Ни нежнее тебя, **невозможно**. Не познав, я в тебе уж **любил** Эти в бархат ушедшие **звуки** <...> **Этих вз, этих зз, этих эм** Различить я сумел дуновенья <...> **Если слово за словом, что цвет, Упадает, белея тревожно, Не печальных меж павшими нет, Но люблю я одно -- невозможно** («Невозможно»);*

Каталогизация всех проявлений этого мотива здесь предпринята не будет,[23] -- как и инвентаризация других характерных инвариантов Анненского, существенных и для ПЗ, -- таких, например, как фиксация на «желтом» и пристрастие к двусоставным, часто негативным прилагательным.[24] Но уже сейчас можно сказать, что даже на фоне далеко не полного свода «предвестий» ПЗ, обнаруживающихся у Анненского, хорошо видны собственные находки Ходасевича, в частности, оригинальное совмещение мотивов двоящегося «я», зеркала, странного слова и унылой желтосерости, относимой на этот раз к самому себе.

* * *

Как было сказано, в задачи статьи не входил всесторонний анализ этого позднего шедевра

Ходасевича. Не говоря о широком интертекстуальном фоне ПЗ, начиная с впрямую названного дантовского, или, скажем, о работе поэта с 3-ст. анапестом и его семантическим ореолом,^[25] а также с пятистрочной строфой AbAAb, как бы «оттягивающей конец»,^[26] незатронутыми остались и интереснейшие проблемы, непосредственно примыкающие к рассмотренным. В частности: характерная техника сплавления поэтической речи с разговорной (то ли детской, то ли внутренней, ср. *неужели, вон тот, тот самый* и т. п.) и с до неуклюжести деловой письменной (ср. *который* в вызывающей анжамбманной позиции),^[27] здесь вторящая остранению «я» и находящаяся в общем русле ходасевичевских опытов по прививке классических начал к тем или иным дичкам,^[28] и вообще целый слой инвариантных мотивов Ходасевича (в частности таких, как «детство» «молчание»: «ничтожество»: «стекло»).^[29] Нашей целью здесь было лишь показать, что экзистенциальное зеркало, отражающее драму лирического «я» Ходасевича, не одинарное, а по меньшей мере тройное, включающее как минимум еще две не названные створки – толстовскую и анненковскую.^[30]

За замечания и подсказки я признателен Михаилу Безродному, Н. А. Богомолу, Л. Г. Пановой, Ф. Б. Успенскому, Роберту Хьюзу и Н. Ю. Чалисовой.

^[1] Вот примерный полнозначный лексикон ПЗ (56 слов):

я дикое слово неужели разве мама любила желто-серого полуседого всезнающего змея мальчик Останкине летом танцевавший дачных балах ответом желторотым внушает поэтам отвращение злобу страх полночные споры вкладывал прыть трагические разговоры научился молчать шутить всегда середине рокового земного пути ничтожной причины глядишь запутался пустыне следов найти пантера прыжками парижский чердак загнала Виргилия плечами одиночество раме правду стекла.

Примерным этот список является потому, что в него не вошли присутствующие, конечно, и в ПТ слова типа *как, так, такой, каждый, тот, самый, свой, кто, который, что, весь, только, не, нет, есть*, не говоря о союзах и предлогах. Кроме того, некоторые ключевые слова, из числа общих с ПТ (например, *я-меня, разве, мальчик-мальчишечья, причина, разговоры-говорить, зеркало-стекло*), в ПЗ повторяются, что делает пропорцию еще более внушительной.

Всего в ПЗ 116 вхождений слов; для ПТ система Word дает более 16 000, число же разных полнозначных лексем, конечно, на порядок меньше, ввиду как общих свойств связного текста (закона Ципфа), так и особой установки автора ПТ на неприкрашенность стиля (например, слово *доктор* повторено 69 раз).

^[2] Соответствующие комментарии (Н.А. Богомолова и Д.В. Волчека) см.: *Ходасевич В. Стихотворения*. Л.: Сов. пис., 1989. С. 401-402.

^[3] В стихах и прозе Ходасевича *мама* занимает заметное место; ср. в особенности стихотворение «Матери» (1910/1914).

^[4] О танцах и балах в жизни юного Ходасевича см., в частности, в его очерке «Младенчество» (*Ходасевич В. Колеблемый треножник*. Избранное. М. Сов. пис., 1991. С.

259-262, 267).

[5] Лексическая метаморфоза заглавного *зеркала* в финальное *стекло* (в рамках зеркального замыкания) соответствует сюжетному движению от ненужных *разговоров* и *споров* к апофатическому откровению о последней правде. Такое честное стекло есть у Пушкина:

Ей в приданое дано Было зеркальце одно; Свойство зеркальце имело: Говорить оно умело <...> «Свет мой, зеркальце! Скажи Да всю правду доложи <...> «Ах ты, мерзкое стекло! Это врешь ты мне на зло («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»).

Но употребление *стекла* в качестве синонима *зеркала* может восходить (у знатока поэзии XVIII в.) к «Письму о пользе стекла...» Ломоносова (1752), где среди прочих ценных изделий из этого материала фигурирует и зеркало. Ломоносовское «стекло» иногда применяется для искусного приукрашивания реальности (например, в виде бисера для дам), но преобладают в «Письме...» строки о его служении истине, ср.:

Из чистого Стекла мы пьем вино и пиво И видим в нем пример бесхитростных сердец: Кого лъзя видеть сквозь, тот подлинно не льстец. Стекло в напитках нам не может скрыть примесу; И чиста совесть рвет притворств гнилу завесу <...> Астроном весь свой век в бесплодном был труде, Запутан циклами, пока восстал Коперник, Презритель зависти и варварству соперник <...> Он циклы истинной Системой растерзал И правду точностью явлений доказал. Потом Гугениш, Кеплеры и Невтоны, Преломленных лучей в Стекле познав законы, Разумной подлинно уверили весь свет, Коперник что учил, сомнения в том нет. <...> Стекло приводит нас чрез Оптику к сему, Прогнав глубокую неведения тьму! <...> Тогда о истине Стекло уверит нас...

[6] Сюда можно добавить и слово *желторотым*, которое не только лексически и семантически переключается с автопортретом лирического «я» (в свое время тоже демонстрировавшего *мальчишечью прыть*, а ныне *желто-серого*), но и подключается к метаязыковому мотивному ряду своим корнем *рот-*.

[7] *Разве* появляется уже в предыдущей главе V: *Разве не очевидно всем, кроме меня, что я умираю, и вопрос только в числе недель, дней -- сейчас, может быть.*

[8] Это соотнесение намечено Е. Сошкиным (simon_mag) в блоге <http://m-bezrodnyj.livejournal.com/186345.html>

[9] См. комментарий (С.Ю. Ясенского и С.Н. Быстрова) в кн.: *Блок А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 тт. Т. 3. Стихотворения. Кн. 3-я (1907-1916). М.: Наука, 1997. С. 601.

[10] У Блока курсивом, в нашей цитате – прямым полужирным шрифтом.

[11] К потенциальной переключке СИИ с «Обломовым» ср. сходство имен *Илья Ильич* и *Иван Ильич*.

[12] *Ходасевич.* Колеблемый треножник. С. 241.

[13] *Ходасевич.* Колеблемый треножник. С. 451-458.

[14] *Ходасевич В.* Собр. соч. Т. 2. Статьи и рецензии 1906-1926. Ann Arbor: Ardis, 1990. С. 318-333.

[15] Статья с небольшими изменениями была опубликована Ходасевичем трижды: в сб. «Феникс», Кн. 1 (М.: Костры, 1922. С. 122-136, с датой 13/ XII-1921), в журнале «Эпопея» (Берлин, 1922, № 3, декабрь, вышел в 1923. С. 34-56) и в газете «Возрождение» (Париж, 14 марта 1935, № 3571 (см. об этом комментарий Дж. Мальмстада и Р. Хьюза в кн.: *Ходасевич.*

Собр. соч. Т. 2. С. 522). По-видимому, он придавал этой статье большое значение.

[16] Ходасевич В. 1982. Избранная проза. NewYork: Russica, 1982. С. 129-141.

[17] Там же. С. 321-322; Ходасевич. Колеблемый треножник. С. 453.

[18] Привожу текст 1935 г. (по Ходасевич, Колеблемый треножник, с. 458), который лишь незначительно отличается от соответствующего места в предыдущих вариантах (ср. Ходасевич. Собр. соч. Т. 2, с. 332-333; см. также <http://annensky.lib.ru/notes/hod.htm>).

[19] Впервые: *Золотое руно*, 1906, 3: 137-138; подпись: Сигурд (см. Ходасевич. Собр. соч. Т. 2. С. 21-22, 489).

Кстати, задолго до первой «Книги отражений» Анненский написал статью «Гончаров и его Обломов» (1892; см. *Анненский И.* 1979. Книги отражений. М.: Наука. С. 251-269), где среди прочих аргументов в пользу идентификации с Обломовым его автора, а потому и читателя, упоминается приведенный эпизод:

«Я много раз читал Обломова, и чем больше вчитывался в него, тем сам Обломов становился мне симпатичнее [ибо а]втор, по-моему, изображал человека ему симпатичного <...> Обломов эгоист <...> по наивному убеждению, что он человек особой породы <...> Люди должны его беречь, уважать, любить и все за него делать; это право его рождения, которое он наивно смешивает с правом личности. Вспомните **разговор с Захаром и упреки за то, что тот сравнил его с "другими"**» (с. 267-268).

[20] Из последних работ см. *Kirilcuk A.* The Estranging Mirror: The Poetics of Reflection in the Late Poetry of Vladislav Khodasevich // *The Russian Review* 61 (2002). С. 377-390; и *Postoutenko K.* «Я, я, я. Что за дикое слово...»: Vladislav Khodasevich's Deconstruction of the First-Person Personal Pronoun // [New Zealand Slavonic Journal](#) 36 (2002). С. 225-235 (и в обеих -- литературу вопроса). Об эволюции Ходасевичевского лирического «я» см. *Jane Ann Miller J.* Creativity and the Lyric 'I' in the Poetry of V. F. Khodasevich. The University of Michigan Ph.D., 1981.

[21] Ходасевич. Колеблемый треножник. С. 453.

[22] Ср.:

Но чем я глядел неустанной, Тем ярче себя ж узнавал <...> Когда наконец нас разлучат, Каким же я буду один? («Двойник»);

А где-то там мнутясь средь огня Такие ж я, без счета и названья, И чье-то молодое за меня Кончается в тоске существованье («Гармония»).

См. также: *Ронен О.* «Я» и «Не Я» в поэтическом мире Анненского // *Иннокентий Федорович Анненский. Материалы и исследования. 1855-1909 / Сост. С. Р. Федякин, С. В. Кочерина.* М.: [Литературный институт им. А. М. Горького](#), 2009. С. 32-38; *Ljunggren A.* At the Crossroads of Russian Modernism: Studies in Innokentij Annenskij's Poetics. Stockholm: Almqvist & Wicksell, 1997. P. 111-120.

Внимание Анненского к СИИ отмечено Лидией Гинзбург в статье «Вещный мир», но в связи не с ПЗ, а с сонетом «Перед панихидой» (*Гинзбург Л.* О лирике. Л.: Сов. пис. Изд- 2-е. С. 314).

[23] Ср.:

Желтый, в дешевом издании, Будто я вижу роман <...> Слов непонятных течение Было мне музыкой сфер... Где ожидал столкновения Ваших особенных р... <...> Милое, тихо-

печальное, Все это в сердце живет... («Сестре»);

Тоска глядеть, как сходит глянец с благ, И знать, что всё ж вконец не опротивят, Но горе тем, кто слышит, как в словах Заигранные клавиши фальшивят («К портрету»).

Явиться ль гостем на пиру<...> Сгорать ли мне в ночи немой <...> Но чтоб уйти, как в лоно вод... («Три слова»).

[24] Ср., например:

Это -- лунная ночь невозможного сна, Так уныла, желта и больна В облаках театральных луна, Свет полос запыленно-зеленых На бумажных колеблется кленах. Это -- лунная ночь невозможной мечты. Но недвижны и странны черты: - Это маска твоя или ты? («Декорация»);

Их не твой ли развёл и ущерб, На горелом пятне желтосерп, Ты, скиталец небес празднодумый, С иронической думой?.. («Месяц»);

Жёлтый пар петербургской зимы, Жёлтый снег, облипающий плиты... Я не знаю, где вы и где мы, Только знаю, что крепко мы слиты. Только камни нам дал чародей, Да Неву буро-жёлтого цвета («Петербург»).

[25] Ореол этого размера – преимущественно напевный, с фольклорными и романтическими коннотациями, часто весенними, приподнятыми, и ПЗ скорее идет вразрез с ним. Однако говорной, аналитически раздумчивый тон ПЗ имеет в нем прецеденты. Прежде всего, это интонация, организуемая (квази)анапестическими вопросительными союзами в зачинах:

Некрасов: *Что ты жадно глядишь на дорогу В стороне от веселых подруг?; Неужели молчать славянину, Неужели жалеть кулака <...> Нет!* где дело идет о народе... («Балет»);

Фет: *Почему светлой речи значенья Я с таким затрудненьем ищу? Почему и простые реченья Словно томную тайну шепчу? <...> Почему мне так воздуха мало, Что хотел бы глубоко вздохнуть?* («Почему?»)

Блок: *Неужели и страстная дума <...> Не исчерпает жизни до дна? Неужели в холодные сферы С неразгаданной тайной земли Отошли и печали без меры, И любовные сны отошли?* («Вечереющий день, догорая...»); *Что ж, пора приниматься за дело, За старинное дело свое. Неужели и жизнь отшумела, Отшумела, как платье твое?* («Превратила всё в шутку сначала...»);

Разрабатывалась в этом размере также тема «я/не-я» -- Некрасовым, Брюсовым (*Хорошо, уносясь в безбрежность, За собою видеть себя;* «Обязательства»), Белым (*Я забыл. Я бежал. Я на воле;* «В полях») Блоком (*Всё гляжусь в мое зеркало сонное... <...> Вон лицо мое -- злое, влюбленное! Ах, как мне надоело оно! <...> Запевания низкого голоса, Снежно-белые руки мои, Мои тонкие рыжие волосы, -- Как давно они стали ничьи!*; «Петербургские сумерки снежные...»).

О семантике анапестов Ходасевича см. *Федотов О.* Содержательные приоритеты анапестов у Ходасевича // Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции 25-27 ноября 2010 г. / Сост. Е. В. Хворостьянова. Санкт-Петербург. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 138-148.

[26] В корпусе стихотворений, написанных АнЗжм, 5-строчные строфы, в частности АbAAb, -- редкость, но они обнаруживаются, в частности, у Фета («Пчелы») и Блока («Пляски

осенние» Блока).

У самого Ходасевича АнЗжм встречается, помимо ПЗ, всего дважды; это: «Кольца» (1907; с мотивом молчания) и «Бедные рифмы» (1926; с мотивом *так: И ни разу по пледу и миру Кулакомне ударить вот так, -- О, в таком непреложном законе, В заповедном смиренье таком...*). А в двух стихотворениях применены четверостишия AbbA: «На грибном рынке» (1917) и «Сквозь уютное солнце апреля...» (1937).

[27] Это целая тема, принципиально роднящая позднего Ходасевича с Толстым и требующая серьезной разработки.

[28] Ср. мотив «дикого» в двух стихотворениях, тематически перекликающихся с ПЗ:

О, косная, нищая скудость Безвыходной жизни моей! Кому мне поведать, как жалко Себя и всех этих вещей? <...> Бессвязные, страстные речи! Нельзя в них понять ничего, Но звуки правдивее смысла И слово сильнее всего <...> Я сам над собой вырастаю <...> И вижу большими глазами -- Глазами, быть может, змеи, -- Как пеню дикому внемлют Несчастные вещи мои («Баллада»; 1921);

Один лишь я полуживым соблазном Средь озабоченных ходил <...> И каждый стих гоня сквозь прозу, Вывихивая каждую строку, Привил-таки классическую розу К советскому дичку («Петербург»; 1926). Кстати, слова о прогоне стиха сквозь прозу соблазнительно истолковать и в смысле программной опоры на прозаические тексты типа СИИ.

Дикость, да и одиночество не были для Ходасевича однозначно негативными состояниями. Ср. в «Младенчестве» (1933):

«Мы <...> с Цветаевой <...> выйдя из символизма, ни к чему и ни к кому не пристали, остались навек **одинокими**, **“дикими”**. Литературные классификаторы и составители антологий не знают, куда нас приткнуть» (Ходасевич. Колеблемый треножник. С. 255).

А на следующей странице того же автобиографического очерка есть характерный контрапункт таинств детской и возвышенной речи:

«...рассказ **о первом слове, мною произнесенном**. Сестра Женя <...> катала меня, как куклу, в плетеной колясочке на деревянных колесах. В это время вошел котенок. Увидев его, я выпучил глаза, протянул руки и явственно произнес: **Кыс, кыс!** По преданию, **первое слово, сказанное Державиным**, было -- **Бог**. Это, конечно, не в пример величественней. Мне остается утешаться лишь тем, что вообще... *есть же разность Между Державиным и мной, а еще тем, что <...> выговаривая первое слово, я понимал, что говорю, а Державин -- нет*» (с. 256).

Игра на повышение/понижение с державинским «Богом» очевидна в стихотворении, отчасти родственном ПЗ:

Смотрю в окно -- и презираю. Смотрю в себя -- презрен я сам. На землю громы призываю, Не доверяя небесам. Дневным сиянием объятый, Один беззвездный вижу мрак... Так вьется на гряде червяк, Рассечен тяжелой лопатой. («Смотрю в окно -- и презираю...»; 1921).

[29] Примеры опушу, за исключением, пожалуй, одного, красноречивого сразу в ряде отношений:

Грубой жизнью оглушенный <...> Опускаю веки я -- И дремлю, чтоб легче минул <...> Шум земного бытия <...> Лучшие спать, чем слушать речи <...> Малых правд пустую прю. Всё я знаю, всё я вижу <...> А уж если сны приснятся, То пускай в них повторяются Детства

*давние года: Снег на дворике московском Иль -- в Петровском-Разумовском[ср. Останкино!]
Пар над зеркалом пруда («В заседании»; 1921).*

[30] Не имеется, конечно, в виду представлять связь ПЗ с поэзией Анненского исключительно как некий непосредственный отклик на его стихи (и, возможно, на выход в 1923 г. второго издания «Кипарисового ларца»). ПЗ являет одну из кульминаций долгого подспудного отторжения/усвоения/переработки характерных мотивов старшего поэта, в частности, его «металингвистической рефлексии», «проблематизации собственного “я”», настойчиво и оригинально развивавшейся Ходасевичем вслед за Анненским (иногда даже с использованием той же рифмы *бытия/я*). См. также *Дзуцева. Н. Между драмой и трагедией 384-396 (И. Анненский и В. Ходасевич) // Иннокентий Федорович Анненский. Материалы и исследования. 1855-1909 / Сост. С. Р. Федякин, С. В. Кочерина. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2009. С. 384-396.*

© 1996 - 2013 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru

По всем вопросам обращаться к [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)
